

**«SAMO SERCE SŁOWIACSZCZYNY»,
ИЛИ СЮРПРИЗЫ ТАК НАЗЫВАЕМОЙ
СЛАВЯНСКОЙ ПРАРОДИНЫ**

Так поэтически К. Тыминским названа территория между Вислой, Карпатами и Припятью [29, с. 113—116]. Локализация «славянской прародины» была предложена русским славистом Ф. П. Филиным еще в середине прошлого века. Он, исходя из отсутствия в праславянском языке специальных обозначений соответствующих ландшафтов, пришел к следующему выводу: «Прародина славян... находилась в стороне от морей, гор и степей, в лесной полосе умеренной зоны, богатой озерами и болотами» [25, с. 122].

Было решено, что она располагалась где-то между лесными Карпатами и средним Днепром, т. е. как раз в Припятском Полесье, украинском и нашем. Заманчивым было объявить ту или иную археологическую культуру славянской («ранне- «пра-, наконец, просто «протославянской») на столь очевидном, казалось бы, основании ее территориального соответствия этой самой «славянской прародине». Разные исследователи изучавшиеся ими одновременные культуры датировали очень различно, но одинаково интерпретировали их как славянские, пользуясь при этом одним и тем же только что названным аргументом. Среди них оказалась и культура полесского неолита четвертого — второго тысячелетий до н. э. [8, с. 119], и восточнотшинская XVI—XI вв. до н. э. [3, с. 192], и скифоидная лесостепная VII — III вв. до н. э. [14, с. 196], и милоградская VI в. до н. э. — I в. н. э. [14, с. 179], и зарубинецкая II в. до н. э. — I в. н. э. [24, с. 195]. Но здесь неизбежно возникала проблема последовательной увязки всех этих культур друг с другом. Несмотря на то, что это со всей очевидностью представлялось заведомо невозможным, Б. А. Рыбаков однажды все же попытался как звенья одной цепи представить тшинско-комаровские, пшеворско-зарубинецкие и пражско-корчакские древности. Но и он не смог привести никаких других аргументов, кроме такой же ссылки на примерное соответствие их относительно совпадающих друг с другом территорий с территорией той же славянской прародины, по Ф. П. Филину [19, с. 220].

Археология, как и любая другая наука, тоже старается избежать произвольных трактовок, но это, к сожалению, удается ей не всегда. Например, тот же Б. А. Рыбаков, а также Е. А. Петровская оперировали одним и тем же аргументом — принадлежностью Киевщины к праславянской территории,

но получили разные результаты, сочтя наиболее вероятным кандидатом на праславянскую принадлежность местные варианты различных культур — скифоидной лесостепной и милоградской [18, с. 196; 15, с. 286—288]. Помимо милоградской примерно таким же приблизительным территориальным соответствием гипотетической «славянской прародине» обладают и зарубинецкая культура, также частично ей синхронная. Получается, что выбрать одну из них в качестве «славянской» тоже можно было совершенно произвольно. Многие археологи выбрали зарубинецкую, по замечанию В. В. Седова, совершенно априорно [20, с. 30].

Сам Ф. П. Филин категорически возражал против использования в археологии приема наложения ареалов древних культур на реконструируемые лингвистикой территории. По его мнению, этот прием не в состоянии дать корректные результаты [25, с. 25]. Однако свои претензии высказали также и археологи. Согласно И. П. Русановой, локализация славянской прародины по Ф. П. Филину в стороне от морей, гор и степей, в умеренной зоне Восточной Европы, очень расплывчата. Этим критериям, по ее мнению, вполне соответствовали и польские ландшафты на Висле [17, с. 215]. Но, отстаивая свою локализацию для «*serca slowiacszczyzny*» вне висло-одерского междуречья, Ф. П. Филин воспользовался, как известно, так называемым «буковым» аргументом. Славянское название бука не оригинальное, а заимствованное из языка древних германцев. Оказалось, однако, что ориентироваться на теперешнюю восточную границу распространения этой древесной породы вплоть до линии Künigsberg — Одесса в данном случае было невозможно, так как в древности она была иной, достигая лишь Эльбы [4, с. 55]. «Из зоотерминологии для определения прародины славян, писал В. В. Седов, важны, пожалуй, только названия проходных рыб — лосося и угря. Поскольку эти термины восходят к праславянскому языку, нужно допустить, что славянский регион древнейшей поры находился в пределах обитания этих рыб, т. е. в бассейнах рек, впадающих в Балтийское море» [17, с. 22]. Оказалось, что этот аргумент, предъявленный вместо «букового», к сожалению, еще менее надежен. *Salmo salar* (лосось) некогда в изобилии водился не только в балтийском, но и в черноморском бассейне. Черноморский лосось заходил даже в Березину-Днепровскую. Там же обитала также и громадная популяция *anguilla anguilla*: угрей в прошлом вылавливали из Днепра не только около Киева, но и у Могилева [2, с. 241; 6, с. 105].

Итак, стало очевидным, что «славянская прародина» преподнесла гораздо больше сюрпризов, чем можно было ожидать. Попросту говоря, даже наши ведущие исследователи элементарно запутались. В. В. Седову удалось

представить убедительное обоснование неславянского характера досредневековых древностей Понемонья, Подвинья, Поднепровья и Полесья. Поэтому совершенно логично происхождение одной из двух самых ранних бесспорно славянских культур — пражской, или, иначе, культуры типа Прага-Корчак — им связывается не с этими, а с районами польского Повисленья, занятом в римское время пшеворской культурой [25, с. 117; 22, с. 26]. Со своей стороны, М. Парчевский, знаток формирования пражской культуры, настаивает, что своих корней она в Повисленье как раз и не имеет. В качестве ее прародины им предлагается рассматривать более восточные районы. В центральной и восточной Беларуси к самому началу средневековья относятся древности типа Банцеровщины и Колочина, — раннеславянские, согласно М. Парчевскому [28, с. 90; 29, с. 124].

Но в таком случае «serce slowiacszczyzny» очутилось, опять же, вне «славянской прародины». Дело в том, что, как считается, таких памятников, которые могли бы претендовать на роль генетического предшественника местных раннеславянских древностей типа Корчак, в Полесье и нет. Территория гипотетической «славянской прародины» поэтому получает наименование «зоны археологической трудноуловимости», «археологической пустоты» и просто «белого пятна» [12, с. 95; 13, с. 121].

Однако все дело в том, что как белорусское, так и волынское Полесье предславянского времени вовсе не было неким вообще необитаемым «белым пятном». Считается, что еще в фазе B2/C1, т. е. в конце II в., сюда проникли отдельные группы «exploratores», «разведчиков», а в фазе C1a-C1b (= начало III в. н. э.) здесь обосновывается уже целая группировка носителей вельбарской культуры, выходцев из Нижнего Повисленья. Одна их часть утвердилась в районе плодородных почв Центрального Полесья, около нынешнего г. Столина [11; 10, с. 18; 26, с. 99]. Дальнейшие археологические исследования на территории предполагаемой «славянской прародины» приводят к открытию новых и новых вельбарских памятников и объектов. Вельбарское жилище, например, было открыто на раннеславянском поселении Струга I [5; 1]. Вполне ясный теперь этнический характер вельбарской культуры не позволяет сомневаться в том, что мы, по-видимому, имеем дело еще с одним сюрпризом: «славянскую прародину» вплоть до самого начала средневековья заселяли германские готы. Готское присутствие в ней было, по-видимому, довольно прочным. Так, согласно М. М. Казанскому, в волыньском Полесье королевство остготов-гревтунов продолжало функционировать и после гуннского нашествия [9].

Как в условиях политического господства, а главное, и заселения готами значительной части так называемой «славянской прародины» на той же тер-

ритории происходило формирование славянства, представить пока затруднительно. Согласно А. А. Егорейченко, некоторые находки из поселения Остров около Пинска, сопровождавшиеся раннепражской керамикой, могут датироваться IV в. н. э. [7, с. 61 — 82]. Представляя значительный интерес в связи с тем, что до того пражские комплексы не датировались ранее V в. н. э., эти находки происходят, к сожалению, с памятника, лишенного надежной стратиграфии.

Итак, не забывая о свойстве «славянской прародины» преподносить неожиданные сюрпризы, нельзя исключить, что славяне не были ее аборигенами, а вселились откуда-то со стороны. Откуда? Согласно Р. В. Терпиловскому, среди переходных киевско-пеньковских памятников Нижнего Подесенья имеются керамические формы, близкие к пражским [23, с. 79]. Согласно другому киевскому археологу-слависту, О. М. Приходнюку, ранняя пеньковская культура начинает распространяться по украинской лесостепи Правобережной Украины с левого берега Днепра [16, с. 12]. Тогда оттуда же могла прийти также и другая волна расселения раннего славянства, которое около пятого или, — если учесть хронологию Острова, — четвертого столетия после Рождества Христова начало наконец осваивать одноименную «прародину».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белявец, В.* Вынікі даследавання 2000 г. на могільніку вельбарскай культуры каля в. Пятровічы (урочышча Белая Гара) / В. Белявец // Гістарычна-археалагічны зб. 2002. № 17.
2. *Берг, Л. С.* Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран. Ч. 1 / Л. С. Берг. М., 1948.
3. *Березанская, С. С.* Средний период бронзового века в Северной Украине / С. С. Березанская. Киев, 1978.
4. *Бернштейн, С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков / С. Б. Бернштейн. М., 1961.
5. *Вергей, В. С.* Раннеславянское поселение Струга I на нижней Горыни / В. С. Вергей // Archeoslavica. 1993. № 2.

6. Жуков, П. И. Рыбы Белоруссии / П. И. Жуков. Мн., 1965.
7. Егорейченко, А. А. Поселение у д. Остров Пинского р-на Брестской области / А. А. Егорейченко // *Archeoslavica*. 1991. № 1.
8. Исаенко, В. Ф. Неолит Припятского Полесья / В. Ф. Исаенко. Мн., 1976.
9. Казанский, М. М. Остготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные / М. М. Казанский // *Stratum plus Петербургский археологический вестн.* 2002. № 1.

10. Козак, Д. Н. Етнокультурна історія Волини (I ст. до н. е. — IV ст. н. е.) / Д. Н. Козак. Київ, 1991.
11. Кухаренко, Ю. В. Могильник Брест — Тришин / Ю. В. Кухаренко. М., 1980.
12. Мачинский, Д. А. К вопросу о территории обитания славян в I—VI веках / Д. А. Мачинский // *Археологический сб. Гос. Эрмитажа*. 1976. Вып. 17.
13. Мачинский, Д. А. Территория «Славянской прародины» в системе географического и историко-культурного членения Евразии в VIII в. до н. э. — XI в. н. э. / Д. А. Мачинский // *Славяне. Этногенез и этническая история*. Л., 1989.
14. Мельниковская, О. Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке / О. Н. Мельниковская. М., 1967.
15. Петровская, Е. А. Находки скифского времени у с. Казаровичи Киевской обл. / Е. А. Петровская // *Археологические исследования на Украине в 1968 г.* Киев, 1971.
16. Приходнюк, О. М. Пеньковская культура. Культурно-хронологический аспект / О. М. Приходнюк. Воронеж. 1998. С. 12.
17. Русанова, И. П. Славянские древности VI—VII вв. Культура пражского типа / И. П. Русанова. М., 1976.
18. Рыбаков, Б. А. Геродотова Скифия / Б. А. Рыбаков. М., 1979.
19. Рыбаков, Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. М., 1981.
20. Седов, В. В. Гидронимика и археология средней полосы Восточной Европы / В. В. Седов // *Тез. докл., посвящ. итогам полевых исслед.* М., 1963.
21. Седов, В. В. Происхождение и ранняя история славян / В. В. Седов. М., 1979.
22. Седов, В. В. Современное состояние проблемы этногенеза славян / В. В. Седов // *Slavia antiqua*. 1996. Т. XXXVII.
23. Терпиловский, Р. В. Ранние славяне Подесенья III—V вв. / Р. В. Терпиловский. Киев, 1984.
24. Третьяков, П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге / П. Н. Третьяков. М.; Л., 1966.
25. Филин, Ф. П. Образование языка восточных славян / Ф. П. Филин. М.; Л., 1962.
26. Bierbrauer, V. Archdologie und Geschichte der Goten vom 1. — 7- Jahrhundert. Versuch einer Bilanz / V. Bierbrauer // *Frühmittelalterliche Studien*. 1994. Bd. 28.
27. Parczewski, M. Najstarsza faza kultury wczesnoslowiańskiej w Polsce / M. Parczewski. Kraków, 1988.
28. Parczewski, M. Die Anfänge der frühslawischen Kultur in Polen / M. Parczewski. Wien, 1993.
29. Тумієнієський, К. Droga Gotów na południe / К. Тумієнієський // *Archeologia*. 1949. Т. III.